

Как другу, мне не стоит просить слишком многого. Если она готова видеть во мне человека, с которым можно в свободную минуту полюбоваться цветами и луной, а при желании — проболтать до глубокой ночи, то я буду довольна не меньше, чем Янь Кэ.

Если вдуматься, история государства Дау насчитывает уже почти сотню лет. Однако объединение Поднебесной, победа над кочевниками Жоужань и государством Хэн — всё это началось лишь несколько десятилетий назад.

Во времена правления императора Юнцзя, Куан Юньвэй, верховный генерал Му Цинлань сразила в бою главнокомандующего Жоужань Ся Жуту. С тех пор государство Дау стало империей Дау, а её император — властелином мира. С тех пор ежегодно стали привозить дань в виде рабов из Жоужань и сокровищ из Хэн, а у каждого поколения императоров появилась традиция совершать жертвоприношения в императорской усыпальнице в Синине.

Нынешнюю поездку в Синин можно было бы назвать служебной командировкой. Хотя у Лин-ван нет никакой официальной должности, титул Циньвана не позволял совершить путешествие со слишком скромной свитой. К тому же, представляя самого Сына Неба, она должна была принимать аудиенции чиновников по пути. Долгая и утомительная дорога обещала занять не меньше месяца — для хрупкого здоровья Лин-ван это было серьезным испытанием.

Чем ближе был день отъезда, тем сильнее я тревожилась. Но я не могла нарушить императорский указ и избежать этой поездки, как не могла и заставить время течь медленнее.

В день отбытия Куан Сицин лично провожала меня за ворота города Гуаньлань вместе со всеми гражданскими и военными чиновниками.

Всю дорогу она сжимала мою ладонь. Её рука была горячее, а хватка — настолько крепкой, что мне стало больно. Казалось, она пытается передать мне некое невыразимое послание. Но я не могла прочесть эмоции в её глазах, глубоких, как омуты, точно так же, как не понимала сложного выражения лица Цзян Чжо, когда та изредка смотрела на меня. Должно быть, я просто слишком бестолкова.

Наконец Куан Сицин отпустила мою руку, слегка улыбнулась, залпом выпила прощальный кубок вина и тихо произнесла:

— Лин-ван... береги себя.

Всего одна короткая фраза, и никакой попытки продолжить разговор, будто все невысказанные мысли растворились в этих четырех словах.

Я не могла описать, что чувствовала в тот момент: это было глубже, чем разочарование, и тяжелее, чем тоска. Будто наше расставание было навсегда, без надежды на новую встречу. Вероятно, это во мне говорило эхо чувств самой Лин-ван: всё-таки девушка, никогда прежде не покидавшая родной дом, вполне могла испытывать грусть при столь внезапном отъезде.

Карета удалялась, и лишь когда её лицо стало неразличимым, я опустила занавеску.

Три дня спустя, переодевшись обычными путешественницами, мы с Цзян Чжо сидели в отдельном кабинете чайной в городе Сыян, с интересом наблюдая за проезжающим внизу огромным кортежем и пересудами прохожих и торговцев.

За соседними столиками расположились восемь охранников, присланных Янь Кэ, переодетых в слуг и счетоводов. Я хотела, чтобы мы с Цзян Чжо выдавали себя за сестер-торговок, но она была категорически против, и мне пришлось уступить.

Величественная процессия Циньвана почти полностью перекрыла главную улицу, приковывая к себе взгляды множества людей. Подумалось: если бы я сейчас была в той карете, то, вероятно, извелась бы от нервов.

Всё началось в тот день, когда я покинула Гуаньлань.

После прощания с Куан Сицин я выехала из города на карете, направляясь в сторону ближайшего города Молинь. Когда вечером мы остановились на постоялом дворе, в мою комнату тайно пробралась Янь Кэ вместе с молодой женщиной, внешне очень похожей на меня. Я, как раз собиравшаяся переодеться, чуть не вскрикнула от испуга.

Янь Кэ быстро закрыла дверь и одним ударом руки вырубил Сяо Чаня, который собирался поднять шум. Её движения были настолько быстрыми, что я едва успела что-то понять.

— Тетушка Кэ? Как вы здесь оказались? Что случилось? — я похлопала себя по бешено колотящемуся сердцу, пытаясь прийти в себя, и прошептала.

— Ради безопасности Вашего Высочества в этой поездке мы разделимся на два пути до Синина. Я поеду с этим двойником в составе основной процессии, а Вы с несколькими охранниками под видом торговцев доберетесь тихо и незаметно. Встретимся на почтовой станции в Синине, — она указала на девушку-двойника.

— Но... — я заколебалась. Разве эта девушка не берет на себя все опасности вместо меня?

Но я понимала: это самый надежный план, и у меня нет причин для отказа — ни у меня, ни у самой Лин-ван.

Так я сменила одежду на простую дорожную и под покровом ночи вместе с охранниками, назначенными Янь Кэ, покинула постоялый двор. Благодаря моей настойчивости Цзян Чжо тоже оказалась в списке сопровождающих. Она уступила лишь потому, что не могла мне отказать, и теперь сопровождала меня, притворяясь управляющей.

— Ваше Высочество... — Цзян Чжо слегка кашлянула, видя, как я бесцеремонно плююсь на

кортеж внизу, и, казалось, хотела что-то сказать.

Я опомнилась, лукаво улыбнулась ей и подняла руку, останавливая её:

— В пути зови меня хозяйкой, не забывай об этом, управляющая Цзян.

— ...Слушаюсь, хозяйка, — она помолчала, тихо ответила, но продолжать начатую тему не стала.

После короткой паузы она опустила глаза и принялась за чай, видимо, чтобы скрыть мимолетную неловкость. Я тоже сделала глоток чая, в душе посмеиваясь над её реакцией.

...Возможно, такое путешествие будет не так уж плохо.

Императорский кортеж Дау считался одним из самых скромных среди всех государств, и даже после объединения Поднебесной мало что изменилось. Однако Лин-ван всегда была белой вороной в императорской семье: её привычки и наряды были самыми роскошными, даже более расточительными, чем у самой императрицы Куан Сицин. Столь вызывающее поведение закономерно вызывало недовольство. И в этот раз, не сбавляя оборотов, она поехала так же пышно — вероятно, по указке Янь Кэ, чтобы привлечь внимание потенциальных врагов.

Пока я с интересом ждала еду, наблюдая за проезжающим внизу кортежем, я вдруг заметила, что несколько женщин, торговавших по сторонам дороги мелкими украшениями, обмениваются взглядами. Одна из них подала странный знак, и остальные, словно получив сигнал, бросили свои товары и покупателей, украдкой приближаясь к процессии.

Из-за толпы на улице стражники, охранявшие кортеж, ничего не заметили, но со второго этажа всё было как на ладони. Я взглянула на Цзян Чжо: она тоже всё видела, но лишь нахмурилась и продолжила невозмутимо пить чай, будто происходящее внизу её совершенно не касалось.

— Хозяйка, попробуйте еду из этого заведения, — заметив мой взгляд, она взяла палочки, положила мне в чашку немного курицы с овощами и многозначительно добавила: — Раз уж перед нами такие деликатесы, нельзя ими пренебрегать, а на остальное не стоит обращать внимания.

— О, вы правы, управляющая Цзян. Вы тоже ешьте, — я кивнула, взяла палочками кусочек еды и положила ей в чашку, с надеждой глядя на неё. Она пристально посмотрела на меня, словно раздумывая о чем-то. Я невольно гадала: неужели у неё брезгливость, и она не терпит, когда ей подкладывают еду? Или эта неловкость связана только со мной?

От этой мысли разочарование невольно отразилось на моем лице. Но в следующее мгновение

она неспешно съела кусочек и с легким недоумением взглянула на меня, будто спрашивая, почему я сама не ем.

Один лишь взгляд, одно движение — и мое настроение внезапно поднялось. Даже я сама удивилась: почему её поведение так влияет на меня? Будто каждое её движение обладало особой магией, легко управляя моим сердцем.

Мгновенный испуг сменился вниманием к шуму внизу. Я отложила палочки и выглянула: торговки уже пробрались к месту, где шли слуги — именно там охрана была слабее всего. Очевидно, они замыслили недоброе.

Самое тревожное было в том, что стражники и слуги ничего не подозревали, продолжая идти по своим местам. Я не знала, сидит ли Янь Кэ в карете или следует за кортежем, но знала точно: там сидит девушка-двойник. Быть может, она безмятежно дремлет, или дрожит от страха, или в отчаянии ждет приближения неведомой угрозы...

Я колебалась, стоит ли подать сигнал, когда одна из торговок, ближе всех подошедшая к карете, сорвала с себя верхнюю одежду, обнажив черную форму и сверкающий стальной клинок. Вслед за ней остальные тоже сбросили маскировку — это была организованная и тщательно спланированная атака.

Предводительница, молодая женщина, с размаху ударила мечом по дышлу кареты и громко закричала:

— Убейте эту тварь Лин-ван, очистим народ от скверны!

— Очистим народ от скверны! — подхватили остальные, набрасываясь на ближайших охранников.

Началась паника. Люди на улице в ужасе бросились врассыпную, крики, давка — в одно мгновение движение кортежа было заблокировано. Стражники наконец среагировали и выхватили мечи.

Я наблюдала за всем этим с замиранием сердца, но была бессильна. Даже охранники, присланные Янь Кэ, включая Цзян Чжо, оставались на своих местах, безучастные к хаосу внизу. Остальные посетители чайной повысовывались из окон, с тревогой наблюдая за происходящим. Мы на их фоне выглядели совершенно неуместно.

— Защищайте Ваше Высочество! — человек, который выхватил меч и преградил путь предводительнице убийц, был Бин И, охранник, назначенный Янь Кэ. У неё была обычная внешность, но необычайно пронизательные глаза. Я всегда считала её мастером, скрывающим свою истинную силу.

Лишь сейчас я увидела её выдающееся мастерство. Когда убийца нанесла удар, кортеж был в

беспорядке, лошади напуганы. Бин И в два приема обезвредила противницу. Её техника была настолько совершенной, что она могла бы командовать целой армией, а не просто быть телохранителем.

Пока я восхищалась её мастерством, следующий её жест заставил меня оцепенеть. Клинок Бин И легко полоснул горло убийцы, кровь брызнула на обшивку кареты. Не останавливаясь, она бросилась ко второму противнику.

Её меч быстро собирал кровавую жатву. Для меня это выглядело как замедленная съемка: каждое брызнувшее пятно крови, каждый взгляд умирающего глубоко ранили меня. Всего за несколько вдохов пять убийц превратились в пять безмолвных тел.

Ни допросов, ни колебаний, ни пленных — всё было сделано чисто и беспощадно.

Толпа продолжала бежать, а кортеж был взят под контроль. Бин И стряхнула капли крови с меча и застыла перед каретой, словно холодная статуя, безмолвно насмехаясь над перепуганными обывателями и неудачливыми убийцами.

На улице остались лишь несколько торговцев, не успевших убежать, раненые в давке люди, настороженные стражники и куча трупов.

Я никогда прежде не видела ничего подобного. Я осознала, что в этом мире, в этой стране закон основан на абсолютной власти императора, где нет даже подобия справедливости. Убийство здесь — инстинкт, принимаемый как нечто само собой разумеющееся обеими сторонами.

Эти убийцы — лишь пример. Но что лишало меня покоя, так это мысль: они умерли из-за меня. И те, кто напал, и те, кто убивал, защищая меня — корень этого зла был во мне.

Кортеж двинулся дальше, словно ничего не произошло. Зрители со второго этажа, как мухи, учуявшие запах, разошлись. На дороге остались лишь кровавые следы. Я смотрела на груды тел, и желудок скрутило от тошноты.

— Хозяйка, вам нехорошо? — тихо спросила Цзян Чжо, пододвигая ко мне чашку горячего чая.

Я выпила всё залпом, не чувствуя, как обжигает язык и горло.

— Со мной всё в порядке, — ответила я, хотя взгляд не могла отвести от тел.

Вскоре пришли стражники, унесли трупы, улицу вымыли водой с цветами. Кроме легкого запаха крови, не осталось никаких следов битвы.

Я услышала, как за соседним столиком две женщины перешептываются:

— Какой ужас, опять кучка самоубийц сложила головы.

— И не говори, всё из-за этой проклятой... — она хотела продолжить, но её подруга зажала ей рот: — Тише ты! Хочешь лишиться языка?

— Чего бояться? Кортеж уехал, не вернутся же они обратно! — огрызнулась та, но всё же оглянулась и заметила, что я смотрю на них. — Ты чего уставилась?!

— Прошу прощения, уважаемая, — я выдавила улыбку. — Я не хотела вас обидеть, просто была напугана увиденным и услышала, что вы знаете какие-то подробности...

Увидев, что я настроена миролюбиво, они немного успокоились.

— Сами не местные?

— Я из Молиня, торгую... Почему на эту карету напали? Кто в ней такой важный?

— Ой, милочка, неужели не знаешь? Это же та самая Лин-ван, что творит зло направо и налево! Говорят, она едет представлять императора на жертвоприношении, не разгневала бы она небо! Чему тут удивляться?

Их отвращение отозвалось холодом в моем сердце.

— Вы хотите сказать, что она заслужила это? — спросила я, чувствуя горечь.

— Ха, да она преступница, которой нет прощения! Только доброта императора терпит эту беспутную сестру...

В этот момент раздался звон стали — мои охранники, сидевшие позади, с яростью уставились на них. Один из них выхватил меч.

— Эй, милочка, это что еще за выходки? — женщина съежилась.

— Кто разрешал обнажать оружие? Убрать мечи! — прикрикнула я. Охранники покорно спрятали клинки. — Прошу прощения, мои люди погорячились, вы напугали их.

Однако мое извинение не помогло: они странно посмотрели на меня и поспешно ушли.

Вскоре зал опустел.

— Цзян Чжо, ты тоже считаешь, что я заслуживаю смерти? — не удержалась я, глядя на неё.

Она повернулась, равнодушно скользнула по мне взглядом и ответила:

— Ваше Высочество, зачем обращать внимание на мнение этих людей? Это всего лишь пустые разговоры.

Она уклонилась от ответа. В глубине души я знала, что она думает. Для неё я — та самая Лин-ван, которую все ненавидят, та, что унижала и порабощала её, а не Цзянь Синь, которая хочет быть ей другом.

— Ха, конечно, — я сделала глоток остывшего чая. Горечь разлилась по всему моему существу.

Видя мое подавленное настроение, остальные молчали. Я покачала головой, пытаюсь усмехнуться, но не смогла.

Когда я уже собиралась позвать слугу, чтобы расплатиться, снизу снова послышался шум. Я выглянула наружу: с другой стороны улицы, шатаясь, шла группа оборванных нищих — как раз оттуда, куда мы направлялись, в город Сяньвэй. Неужели они столкнулись с кортежем?

<http://bllate.org/book/21773/2251646>